

— Заключить новый договор с "Вымпелом" на срок до конца пятилетки Гострему сразу не удалось, пришлось заключать промежуточный - до конца текущего года. Так открылась тема "Кедр" в обсерватории.

— Теперь роли поменялись: обсерватория стала головным исполнителем, а университет - субподрядчиком, и соответствующая субподрядная тема в университете именовалась "Клён-3". В рамках этих тем началась разработка проекта ИДК - пресловутого ионосферного диагностического комплекса. Исполнителями разделов по методам диагностики числились Саенко, Иванов, Тринчук, Шагимуратов и Пахотин, по аппаратурной реализации - Лаговский и Саенко, по модели ионосферы - я и Латышев. К концу октября был готов так называемый "аванпроект" ИДК, представлявший собой развёрнутый план работ на 1974-75 гг. и их обоснование.

— Просматривая теперь эти планы, не без гордости отмечаю - всё, что планировалось по моделированию ионосферы, было выполнено. Не всегда в те сроки, которые намечались, но в конечном итоге - в полном объёме. А вот что касается собственно ИДК, главными элементами которого являлись всевозможные геофизические датчики, то среди них в плане фигурировали, например, такие, как установки лазерного зондирования, сейсмографы, измерители пульсаций атмосферного давления и даже фотометры, предназначенные для наблюдений полярных сияний (!). Вся эта экзотика так никогда в обсерватории и не появилась, к счастью, а в планы она попала по логике Саенко, бесхитростно рассуждавшего так - чем больше всяких датчиков, тем больше информации, тем лучше. Гострем его в этом, разумеется, поддерживал, поскольку вообще придерживался принципа - чем больше (денег, людей, датчиков в его организации), тем лучше. К тому же всё прикрывалось завесой секретности работ, позволявшей Гострему игнорировать всякие сомнения по поводу целесообразности каких-либо датчиков.

— Новая большая тема, рассчитанная на два года, открылась где-то с конца 1973-го или с начала 1974 года и получила наименование "Каштан". Почему-то у секретчиков по нашей тематике отдавалось предпочтение букве "К": Квадрат, Каучук, Калина, Кедр, Клён, Каштан - с растительным уклоном, потом пошли темы на букву "Т"... Увеличение объёмов финансирования позволило Гострему продолжить расширение штатов, появлялись всё новые люди, больше для аппаратурного обеспечения ИДК, в нашу группу влился только Кореньков, и лишь в следующем году - Клименко и Смертин. Последний, правда, появился раньше, работал сначала у Саенко, а потом перешёл к нам. В плане совместных работ КМИО и ЛПФ на 1974 год фигурируют новые фамилии: Ермоленко, Лещенко, Пилюгин, Личагин, Смертин, Токарь, Хаустова, Кутькина. Из новобранцев лишь Ермоленко был со степенью кандидата технических наук (или собирался защищаться?), кончал Ленинградский политех, остальные всё молодёжь, Володя Пилюгин кончал нашу кафедру - физики Земли, от Пудовкина, Кутькина - с кафедры радиофизики ЛГУ, от Макарова, оттуда же и Душкина потом появилась, Смертин, Личагин, Токарь - москвичи, мифисты, Лида Хаустова - из Воронежского университета, Лещенко - из Севастопольского приборостроительного, в котором училась моя сестра Милочка. Публика была самая разнообразная, но лишь Володя Пилюгин привлекал меня - и тем, что был с нашей кафедры, и общительностью, и обаятельной внешностью, чудесной улыбкой, хотя этим, пожалуй, его достоинства и исчерпывались. Добрый малый, но чего-то не хватает. Личагин внешне мне тоже нравился, но он недолго пробыл у нас.

— Чем больше разрастался коллектив вокруг Гострема, тем труднее становилось ему управлять людьми в его привычной манере - властно и бестолково влезая в дела каждого. Всё труднее ему было поддерживать свой авторитет даже в глазах новеньких, которые быстро начинали ощущать ироническое отношение к Гострему со стороны разуберившихся в нём коллег (с большим стажем общения с Гострем) разоблачавших (преимущественно за глаза, правда) его научную некомпетентность. Коверканная речь

Гострема никого уже не обманывала, ляпсусы в его высказываниях теперь не списывались на счёт плохого знания русского языка. То один, то другой из новых сотрудников становился фаворитом Гострема, но обычно на недолгое время, ибо и фаворитам было нелегко рядом с Гостремом, пожалуй, даже труднее чем тем, кто держался от него подальше.

— Фавориты намечались в главные проводники гостремовских идей, но поскольку понять их было подчас просто невозможно, возникало взаимное недовольство, усиливаемое невыполнением Гостремом обещаний, которые он давал налево и направо, суля золотые горы в виде зарплаты, премий и квартир. В фаворитах у Гострема в разное время побывали чуть ли не все научные сотрудники, поочерёдно слетая с пьедестала. Дабы отвергнутые недавние фавориты не объединялись в борьбе с ним, Гострем всячески наущничал одному на другого, намекал, что один, мол, плохого мнения о другом, и наоборот... Надо сказать, что эта тактика успеха практически не имела, поскольку обо всём, что говорил Гострем тет-а-тет, "между нами, так сказать", его собеседники рассказывали друг другу, не без оснований сомневаясь в порядочности своего начальника, опускавшегося до кляуз на собственных подчинённых. Всё это, конечно, позиции Гострема только расшатывало.

— Заведующим лабораторией прикладной физики КГУ в это время вместо Кондратьева стал Игорь Ермоленко. О фиктивности собственно лаборатории как официальной структурной единицы он поначалу и не догадывался и был намерен распоряжаться в ней сам как настоящий заведующий. Естественно, что из этого у него ничего не вышло - Гострем связал его по рукам и ногам мелочной опекой, и Игорь взвыл.

— А тут у меня очередной конфликт с Гостремом разгорелся, по поводу командировок в Вильнюс. Без его визы никого нельзя было отправить в командировку, а сам он подолгу пропадал в Москве, неделями не бывая на месте. Считать же на машине нам нужно было непрерывно, всё время кого-то нужно было держать в Вильнюсе, причём меняя людей, чтобы привозить результаты, варьировать задачи и т.п. Я настаивал, чтобы визы ставил Ермоленко, как непосредственный начальник людей из ЛПФ. Гострем был категорически против, не объясняя своих мотивов. Ермоленко и собственных сотрудников-экспериментаторов, работавших под его непосредственным руководством не мог оперативно послать в командировку, будучи вынужден каждый раз дожидаться и ловить Гострема. Накапливались и другие причины для того, чтобы нам с Ермоленко совместно возмутиться против Гострема: произвольное, без обсуждений и, на наш взгляд, несправедливое установление окладов сотрудникам лаборатории, использование ставок не по назначению (на должностях старших научных сотрудников и инженеров оказывались пожилые отставники с непонятными функциями), приобретение оборудования без согласования с теми, кому оно предназначалось, которое потом оказывалось никому не нужным и т.д., и т.п.

— Все попытки протеста против тех или иных волевых решений Гострема им просто-напросто игнорировались или отменялись высказываниями такого рода:

— Работать надо, так сказать! Вы меня поняли?

— И всё. Отчаявшись, мы с Ермоленко и Костей пошли в ректорат университета жаловаться на Гострема и требовать ни больше, ни меньше как отстранения его от научного руководства сотрудниками ЛПФ по причине полной его научной некомпетентности. Проректор по научной работе и секретарь парткома сочувственно выслушали нас: Гострема в ректорате не очень-то жаловали. Его бурная, точнее, сумбурная деятельность на научной и преподавательской нивах приносила начальству только хлопоты и жалобы со всех сторон, от студентов до бухгалтерии, на всевозможные и невозможные нарушения. Нам пообещали разобраться и помочь. Но дело заглохло. В ректорате и без Гострема забот хватало, там шла своя мышьяная возня за кресла, менялись ректоры, проректоры, секретари парткома, с Гостремом связываться никому не хотелось, тем более при дефиците профессоров в университете, кому там нужно его научную

компетентность выяснять? Ермоленко почувствовал безнадежность борьбы с Гостремом и затих, не рвались в борьбу и остальные. Большинство считало, что не следует озлоблять Гострема, в целом он всё равно нужен, без него, мол, вся наша контора развалится.

—А во мне свербило оскорблённое самолюбие. От преподавательства отстранён, Бог с ним - с обещанным доцентством, сам виноват, дорезвился, но ведь научные успехи налицо, люди, которыми я фактически руковожу - Костя, Лёнька, Никитин - старшие научные сотрудники, хоть и без степени, а я - кандидат наук и всего лишь эмэнэс. Хотя и рекомендован (ещё в прошлом году) семинаром обсерватории на должность старшего. Да что толку? Дело никуда не двигалось, и даже никаких объяснений мне Гострем не давал.

—Как-то мы с Костей, приехав в Москву в командировку по делам темы, прямо с вокзала позвонили Томашуку. Он пригласил нас к себе домой на какую-то из улиц 8-го марта в районе стадиона "Динамо". Почему-то у него оказался подбитым глаз - он объяснил, что в парке напали хулиганы. Мы с Костей, разумеется, притащили с собой выпивку. Хозяева, выглядевшие поначалу пасмурно, оживились, и мы долго сидели на кухне, обсуждая наши дела за бутылками, сменявшими одна другую.

—В ходе этого разговора мы с Костей пожаловались Томашуку на Гострема и просили надавить на него, чтобы он выполнил своё обещание в отношении моей должности, в противном случае я уйду от него к чёртовой матери. Тут я, пожалуй, перегнул палку. Правда, мысли уйти от Гострема куда угодно в то время чаще, чем когда-либо приходили мне в голову. Костю такие мои настроения, конечно, беспокоили, поскольку теперь он связывал со мной свои надежды защититься и боялся, как бы я не бросил начатое. На самом же деле мне уходить никуда не хотелось, я втянулся в задачу уже настолько, что согласен был и Гострема терпеть, и все эти разговоры об уходе были просто жалобами или мелким шантажом в надежде на поддержку.

—С Томашуком, однако, этот номер не прошёл. Он прямо-таки оскорбился моей меркантильностью. - Ну, ты, парень, даёшь! У нас на "Вымпеле" доктора наук в должности эмэнэса работают, вон, наш сосед - Бреус, например! - Его горячо поддержала жена, тоже работавшая на "Вымпеле". И так они рассердились на нас оба за отсутствие у нас готовности бескорыстно гореть за дело, что распрощались с нами весьма прохладно. А время было пятый час утра, и идти нам с Костей было некуда. Стабильного места командировочного поста в Москве у нас тогда ещё не было, сказать же об этом обиженным хозяевам мы постеснялись, а те не догадались или не захотели спросить.

—Нам жутко хотелось спать, и мы приткнулись где-то на лавочке, ругая Томашука, которого мы поили, обхаживали в Калининграде, и который так негостеприимно обошёлся с нами.

—- Ну, не хочет с Гостремом связываться - Бог с ним, так хоть спать-то бы положил, всё-таки люди с дороги! - бурчал Костя, с которым я был полностью согласен.

(продолжение следует)

[Главная страница](#)

[Путеводитель по "Запискам рыболова-любителя"](#)